

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
История международных отношений и внешней политики
HISTORICAL RETROSPECTIVE AND MODERNITY
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(47)

[https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)

Формирование и эволюция русских фронтиров

Павел Александрович Барахвостов✉

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Республика Беларусь,

barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Аннотация: Показано, что формирование русских фронтиров было обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечения безопасности своих рубежей. Выделены и охарактеризованы периоды в их эволюции. Установлено, что первая стадия (формирование военного фронта) связана с постройкой укрепленных линий и переселением на огороженные ими земли казаков и крестьян. Вторая стадия – оформление юридического статуса фронтирных территорий и установление особых военизированных форм управления. Третья стадия характеризуется, наряду с трансплантацией на новые земли институтов редиистрибутивного типа, доминировавших в институциональной матрице России, возникновением и распространением здесь рыночных институтов, что обусловило пространственную неоднородность российской институциональной матрицы. Заключительная стадия – дефронтизация, для достижения которой задействовались различные инструменты: совершенствование материально-технологической среды приобретенных территорий, встраивание их в общеимперское правовое поле, распространение православия и сферы применения русского языка, экономическое стимулирование государством русской колонизации, социализация местных элит и их привлечение к процессу управления новыми землями. На всех стадиях эволюция фронтирных территорий управлялась российским государством, причем проводимая политика выстраивалась на принципах диалога с автохтонным населением. Наличие фронтиров тормозило переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, переориентировало империю на самодостаточный вариант развития, обусловило особый, российский путь модернизации.

Ключевые слова: фронт, колонизация, институциональная среда, институциональная матрица, Российская империя

Для цитирования: Барахвостов П.А. Формирование и эволюция русских фронтиров // Россия и мир: научный диалог. 2022. № 2(4). С. 166-177, [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)

Formation and evolution of russian frontiers

Pavel A. Barakhvostov✉

Belarusian State Economic University, Minsk, Republic of Belarus,
barakhvostov@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

Abstract. It is shown in the article that the formation of Russian Frontiers was carried out primarily due to the need to ensure the security of the borders. Periods in their evolution are identified and characterized here. It is established that the first stage (the formation of a military frontier) is associated with the construction of fortified lines and the relocation of Cossacks and peasants to the lands fenced by them. The second stage is the registration of the legal status of frontier territories and the establishment of special paramilitary forms of the government. The third stage is characterized, along with the transplantation of redistributive-type institutions that dominated the institutional matrix of Russia to new lands, by the emergence and spread of market institutions here, that caused the spatial heterogeneity of the Russian institutional matrix. The final stage is defrontization, various tools were used to achieve it: improvement of the material and technological environment of acquired territories, embedding them in the general imperial legal field, spreading Orthodoxy and Russian language, economic stimulation of Russian colonization by the state, socialization of local elites and their involvement in the process of managing new lands. At all stages, the evolution of frontier territories was governed by the Russian state, and the policy was based on the principles of dialogue with the autochthonous population. The presence of frontiers hindered the transition from extensive to intensive methods of space exploration, reoriented the empire to a self-sufficient development option, and determined a special, Russian path of modernization.

Keywords: frontier, colonization, institutional environment, institutional matrix, Russian Empire

For citation: Pavel A. Barakhvostov. Formation and evolution of Russian frontiers // Russia & World: Scientific Dialogue. 2022. No. 2(4). pp. 166-177, [https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2\(4\)-166-177](https://doi.org/10.53658/RW2022-2-2(4)-166-177)

Введение

Геополитические и геоэкономические трансформации последних десятилетий актуализировали проблему исследования фронтиров и их роли в генезисе социальных систем. Существует множество определений данного концепта. В соответствии с классическими работами Ф. Тернера (27), фронтир – это особый вид границы, осуществляющей как пространственное, так и социокультурное разделение. Р. Биллингтон трактует фронтир как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» (21). И. Я. Левяш отмечает, что «фронтир – это взаимопрото-

никновение и противоречивое сочетание различных культурно-цивилизационных практик, территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций» (7, с. 194). В отличие от межгосударственной, четко выраженной границы, это «размытая область переменной ширины» (26), характеризующаяся культурной мозаичностью, «неустойчивым равновесием» (4, с. 82), особыми социальными условиями. Фронтир является одновременно историческим процессом и определенным пространством, то есть обладает пространственно-временными характеристиками (19).

Наличие подобной «области неопределенности» на территории, занимаемой социумом, оказывает значительное влияние на траекторию его развития. На протяжении столетий Россия существовала в условиях продолжавшегося расширения страны, присоединения новых земель и их освоения (17; 5; 15; 13; 9; 18; 22). Это определило характер российской модернизации, которую И.В. Побережников охарактеризовал как «фронтирную» (12).

Однако, несмотря на повышенный интерес к данной проблематике, ряд вопросов остается слабо изученным. Среди них – проблема эволюционирования этой «зоны неопределенности», выявления общего и особенного в данном процессе для конкретных кейсов. Ее решению и посвящена настоящая работа, в которой анализируется феномен русского фронта.

Материалы и методы

Методологической основой настоящей работы является исторический неoinституционализм, в соответствии с которым общество представляет собой целостное интегрированное образование взаимосвязанных и взаимозависимых равнозначных подсистем: экономической, политической, социокультурной (11). Вся структура регулируется сложной системой институтов, понимаемых как «правила игры», структурирующие социальное действие (24, р. 97), в которой можно выделить базовые институты, образующие институциональную матрицу (6). В ней одновременно присутствуют два основных типа институтов, взаимодействующих между собой по принципу «доминантность – компенсаторность» (25, р. XIX): редистрибутивные и рыночные. Редистрибутивная модель предполагает институты редистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный / служебный труд, жалобы в виде обратной связи, унитарный политический строй и элементы коммунитарной идеологии (2). Модель рынка – это отношения купли-продажи, частная / личная собственность, наемный труд, прибыль как институт обратной связи, федеративные начала государственного устройства, превалирование элементов субсидиарного мировоззрения. Институциональная матрица не является застывшим конструктом: в ней происходят перманентные изменения, обусловленные, в частности, воздействием другой социальной системы при непосредственном слиянии социумов (20). Процесс эволюции фронтирных территорий связан со встраиванием их в институциональную матрицу социума-реципиента, что и будет проанализировано в данной работе.

Результаты исследования

Можно выделить различные виды фронта. Одни из них (I типа) образовались как зона пространственного контакта «центров» силы, другие (II типа) – как «открытый» фронт (23), пределами пространственного расширения которого являются естественные природные факторы.

Пример фронтов I типа – размытая граница между Османской империей, с одной стороны, и Московским государством – с другой. Данные территории были пригодны для земледелия, скотоводства, промыслов и привлекали колонистов еще в эпоху Киевской Руси. Однако набеги степных кочевников превратили эти земли в практически безлюдную и плохо контролируемую территорию. Необходимость ее заселения была обусловлена в первую очередь соображениями безопасности.

К XVI веку форпостами Московии на этих территориях являлись засечные линии; в авангарде управляемой государством колонизации шли «вольные люди», привлекаемые выдачей денежных средств на переселение и строительство жилья, возможностью изменить свой социальный статус (вплоть до записи в категорию «детей боярских»). С целью наступления на необжитые земли в 1630–1650-х годах была построена линия укреплений – Белгородская черта, вблизи которой возводились города, ставшие опорой дальнейшей колонизации. После 1647 года расселение южнее черты было запрещено (8), однако значительные земли за линией укреплений сдавались местными воеводами в оброк в качестве бортных, рыбных и пушных угодий.

Среди переселенцев преобладали служилые мелкопоместные и беспоместные люди. Вотчинных владений на территории фронта было чрезвычайно мало, причем почти до конца XVII века существовала система «заповедных городов» с запретом на дворянское землевладение.

Переселенцы выполняли две основные задачи: хозяйственное освоение новых земель и охрана южных рубежей. В результате на этих территориях возникло особое состояние, состоявшее из военизированных землевладельцев, – однодворцы. Однодворцы имели право владения землей и крепостными крестьянами, были освобождены от телесных наказаний, как дворяне, однако, в отличие от них, платили налоги, в том числе на содержание ландмилиции (пограничного поселенного войска), где обязаны были нести службу. Селились однодворцы в слободах, во главе которых был назначаемый военным ведомством управитель. Особенности общественного строя однодворцев являлись: круговая порука, предполагавшая коллективную ответственность за уплату налогов, соблюдение строгой очередности при выборе низшего звена в управлении делами поселения; изолированность от других сословий.

Южный фронт простирался с запада на восток, причем особое место занимал Дон – родина казачества. Первые казачьи поселения на фронтальных донских землях появились в XV веке. Первоначально казачье сообщество жило главным образом за счет охоты, рыболовства и разбоя, земледелие было запрещено. Тем не менее с самого начала оно зарекомендовало себя как сила, способная противостоять татаро-османской экспансии, что побудило царские власти активно использовать казаков для охраны южных рубежей.

Социум на Дону (Войско Донское) создавался на основе внесловных принципов: формирование элит осуществлялось по военным и политическим заслугам. Здесь мирно сосуществовали люди разных религиозных убеждений: мусульмане (донские татары, происходящие из ногайцев), православные. Войско Донское имело собственные, не подчиняющиеся Москве, выборные центральные и местные органы власти, проводило самостоятельную внешнюю политику. Московское государство осуществляло взаимодействие с донскими казаками через Посольский приказ, как с иностранными гражданами. Политика Москвы была двойственной. С одной стороны, она стремилась ограничить независимость донцев, прибегая к санкциям (в частности, блокированию Дона в середине 1660-х годов, введению в первой половине XVII века запрета казакам въезжать в крупные русские города (14; 1)). С другой стороны, она была заинтересована в казачестве как в мощной военной силе, следствием чего явилось установление жалования за оказание военных услуг.

Фронтирное положение сообщества, необходимость одновременного противостояния двум «центрам» силы (Османской империи и России) требовали сделать выбор дальнейшего пути развития. В 1671 году донское казачество присягнуло на верность российским государям. Процесс встраивания Войска Донского в институциональную матрицу империи включал: передачу Екатериной II всех донских земель Войску Донскому и превращение казачества в держателя земли на правах коллективного помещика, предоставление права беспошлинной торговли, исключительного права на рыбную ловлю, добычу соли на реке Маныч, освобождение от государственных податей и повинностей, подчинение военному ведомству (с 1721 года – Военной коллегии, с 1832 года – Департаменту военных поселений), переход от выборной к назначаемой системе управления и, наконец, превращение казачества Положением об управлении Войском Донским (1835) в «касту воинов» для защиты самодержавия.

В 1770–1780-е годы южный фронт сместился в Предкавказье и далее – к Большому Кавказскому хребту вплоть до столкновения с фронтами Турции, Персии и Крыма. Теперь соседями авангарда российской колонизации оказались не кочевники, а горские сообщества с развитой земледельческой культурой, но иной верой. Их нормы и традиции значительно отличались от русских, что обусловило ряд проблем при встраивании этих территорий в институциональную матрицу России.

Так же как и ранее, очагами российского влияния становились крепости (Кизляр, Моздок), служившие опорными точками для строительства целой военно-гражданской инфраструктуры, например, Азово-Моздокской укрепленной линии. Особенности колонизации Кавказа являлись: первичность административной колонизации над хозяйственным освоением (указами назначалось место расположения будущих административных центров); государственное регулирование колонизационных процессов, для чего использовался механизм стимулирующей обусловленности – выплаты и льготы переселенцам; центральная фигура русской колонизации – казак; сепарация колонистов и автохтонного населения (миграция горцев в предгорья Кавказа); высокий конфликтный потенциал колонизируемых территорий (набеги горцев), что обусловило особый тип администрирования (с 1822 года во главе администрации Кавказской области (прим. – административная единица на Кавказе) – командир войск Кавказской линии).

Особенности освоения обусловили рождение нового типа управления – военно-народного, в соответствии с которым территория делилась на округа, во главе которых стояли офицеры русской армии, однако в сельских обществах администрация опиралась на выборных старшин. Для закрепления на данных землях российские власти использовали ряд механизмов: социализация (изменение системы воспитания и образования горцев, обучение сыновей местных аристократов в русских военных училищах), оказание давления на автохтонное население путем введения монополии на торговлю солью.

К середине XIX века на Кавказе было учреждено наместничество, что отражало стремление самодержавия к централизации управления (административная система этих земель была подчинена непосредственно императору). Однако предоставленные кавказскому наместнику огромные права и полномочия превратили его из местного звена бюрократического имперского аппарата в самостоятельный центр власти. В 1882 году наместничества ликвидировались, и был взят курс на форсированную интеграцию Кавказского края с внутренними губерниями империи в рамках унифицированного административно-правового поля, что предполагало ограничение особых полномочий, предоставленных местным властным структурам, в пользу общеимперских государственных институтов. Ускоренная интеграция без учета специфики региона обусловила формирование и развитие на Кавказе антирусских настроений и ряда национальных движений.

Другим типом «зоны неопределенности» является восточный фронтир. Начиная со второй половины XVII века власти Московского государства вкладывали огромные средства в постройку укрепленных линий (форпостов) на восточных рубежах. Это, в свою очередь, привело к переселению на земли, «огороженные» укреплениями, казаков и крестьян. Зона фронта оказалась областью соприкосновения различных жизненных укладов – оседлого (земледельческого) и кочевого (скотоводческого), что неизменно порождало конфликты. Однако это не приводило к «тотальной зачистке» местного населения российскими властями, которые стремились решить проблемы не военным, а экономическим путем. Объявив себя сувереном и собственником земли, Москва вместе с тем стремилась не нарушать традиционных форм землепользования, обеспечивая этим выполнение автохтонным населением их основной обязанности – уплаты ясака (налога) пушниной, причем его размер не превышал такового в «дороссийские» времена. Особенностью российского подхода было постепенное превращение форпостов военного назначения в административные центры с целью утверждения позиций империи в регионе.

Центральными фигурами колонизации на Востоке стали казак, крестьянин и ссыльный. При этом, в отличие от американского фронта, данным процессом руководили не частные фирмы, а государство, которое регулировало укомплектование штатов административных учреждений, размещение русских населенных пунктов (как правило, отделенных от мест проживания местного населения и расположенных в стратегически важных местах – вдоль трактов и пограничных линий), создавало для русских переселенцев защитную инфраструктуру. Здесь не было крепостного права. Законы колонизации требовали от ее участников предприимчивости, личной инициативы, способствуя тем самым появлению и распространению элементов субсидиарного мировоззрения – рыночных социокультурных институтов.

Административно-территориальное деление новых земель изменялось в соответствии с движением фронта на восток: вначале был освоен Урал, затем произошло разделение Сибири на Западную и Восточную, позднее выделился Дальний Восток. Изменялся и стиль администрирования. Примечательно, что в 1764 году Екатерина II велела именовать Сибирь Сибирским царством, подчеркивая происхождение этих территорий от татарского ханства и преемственность российского управления этими землями и традиции прежних правителей. Однако уже в 1782–1783 годах в регионе было введено наместничество, что свидетельствовало о начале применения к данным территориям общеимперских управленческих практик. В то же время удаленность фронтирных территорий обуславливала необходимость установления особых форм управления, предполагающих значительно большую самостоятельность в решении местных вопросов, чем разрешалось в Центральной России.

Для хозяйственного освоения фронтирных территорий была необходима развитая инфраструктура (в первую очередь за счет строительства железных дорог). Примечательно, что Россия, в отличие от Америки, делала упор на их линейную протяженность, а не на разветвленность. Административные пункты располагались, как правило, вдоль железнодорожных путей. Кроме того, их строительство (особенно Транссибирской магистрали) создало возможности для организации широкомасштабного экспорта сельхозпродукции. Наиболее высокими темпами в регионе росло производство животного масла, 80–90% которого вывозилось за границу. В 1909–1913 годах 16% мирового экспорта данного продукта и 60% российского были из Сибири (3, с. 161-162), чему способствовало государство, установившее льготные железнодорожные тарифы для перевозки этого товара.

Наряду с сельским хозяйством развивалась промышленность, особенно на Урале. Некоторые из земель, жалованных грамотами XVI века (как, например, строгановские) и находившиеся первоначально на поместном, потом на вотчинном праве, в XIX веке приобрели статус майоратных (нераздельных), что свидетельствует о диффузии западноевропейских институтов. Пермское майоратное имение включало горнозаводские комплексы, обеспечивающие весь металлургический цикл, и давало их хозяевам огромную экономическую и политическую власть в регионе, относительную независимость от центральных властей.

Тем не менее, несмотря на продвижение фронта на восток вплоть до границ континента, новые территории были мало заселенными, что требовало более активного задействования механизма стимулирующей обусловленности. В качестве его инструментов П.А. Столыпиным было предложено распространить в Сибири права собственности на землю (закрепление рыночного института). Однако данное предложение, которое в случае его реализации обусловило бы значительную трансформацию редистрибутивной институциональной матрицы с доминированием идеи общественного интереса над личным, было отвергнуто, поскольку такое землеустройство «прикрепит старожила к месту и тем лишит его возможности выполнять свою культурную задачу» (10, с. 44) по освоению новых территорий.

И все-таки рыночные институты на этих землях формировались. С 1908 года сибирским переселенцам начинают отводить земельные участки не только для общинного владения, но под хутора. В общинах с уравнительным переделом начинаются размежевание земель и передача их в индивидуальное владение. Отметим, что процесс разложения общинного землевладения в Сибири проходил значительно быстрее, чем в России.

Обсуждение

Необходимым условием формирования фронта является возникновение «вакуума», отсутствие четких границ, что обуславливает возможность расширения занятого социальной системой пространства. Южные и восточные рубежи Московского государства в период его становления не были четко очерчены вследствие соседства с ним племенных группировок кочевых и полукочевых народов. Московия не могла защититься от постоянных набегов кочевников. Вследствие этого формирование русского фронта было обусловлено не столько возможностью экспансии, сколько необходимостью обеспечения безопасности своих рубежей.

Несмотря на несинхронность фронтальных процессов (различные времена формирования и скорости изменения), в эволюции русских фронтов можно выделить несколько их стадий. Первая из них – формирование военного фронта, постройка укрепленных линий (форпостов) на южных и восточных рубежах, переселение на земли, «огороженные» укреплениями, казаков и крестьян. Особенность русского подхода – вступление в договорные отношения с автохтонным населением, встраивание российских институтов в их нормы и традиции. При этом укрепленные линии вместе с созданной для их функционирования инфраструктурой имели не только военное, но и политико-культурное назначение, являясь опорными пунктами для утверждения позиций империи в регионе.

Вторая стадия – переходный период, суть которого в оформлении юридического статуса фронтальных территорий и установлении особых форм управления. На фронтальных территориях предусматривалось нахождение постоянных и иррегулярных войск, а их глава (как правило, военный) наделялся гражданскими, военными и дипломатическими полномочиями (в круг его задач были включены: проведение пограничных линий, организация внутренних административных единиц и их разграничение и т.д.).

На землях русского фронта формировался стиль управления, отличный от такового в Центральной России: здесь чиновникам разрешалась значительно большая самостоятельность в решении местных вопросов. Отметим, что особенностью имперского управления являлось отсутствие единого центрального органа для управления всеми фронтальными территориями (16).

Третья стадия – трансплантация на новые земли экономических и социокультурных институтов редистрибутивного типа, доминировавших в институциональной матрице России.

Вместе с тем в силу удаленности фронтальных территорий от центра и их выраженной экономической специализации на новых землях имело место укрепление рыночных

институтов, в частности, введение на Урале майората, хуторизация деревни, распространение элементов субсидиарного мировоззрения и т.д. Это обусловило возникновение пространственной неоднородности российской институциональной матрицы.

Заключительная стадия – дефронтризация (окончательное встраивание новых земель в институциональную матрицу империи). Для достижения этой цели задействовались различные механизмы и инструменты: совершенствование материально-технологической среды приобретенных территорий (создание развитой инфраструктуры, в первую очередь за счет строительства железных дорог), встраивание их в общееимперское правовое поле (унификация законодательства), распространение православия и сферы применения русского языка, экономическое стимулирование государством русской колонизации, социализация местных элит и их привлечение к процессу управления новыми землями, предоставление значительно больших прав местному самоуправлению, чем в центральных российских губерниях.

На всех стадиях эволюция фронтирных территорий управлялась российским государством, причем проводимая политика выстраивалась на принципах диалога с автохтонным населением. Тем не менее процесс дефронтризации был достаточно сложным. В случае фронта I типа его скорость определялась влиянием экзогенных (граничащих «центров силы») и эндогенных факторов (необходимостью встраивания институтов горских сообществ в российскую институциональную матрицу). Для открытого фронта главной проблемой стала малая заселенность и, как следствие, слабое хозяйственное освоение.

Выводы

Наличие обширных, богатых ресурсами (и, следовательно, экономически перспективных) фронтирных территорий в России, где развивались и укреплялись рыночные институты, обусловило наличие к началу XX века пространственной неоднородности российской институциональной матрицы. Дефронтризация требовала решительных действий (в частности, изменения принципов и форм землевладения, учета национальных особенностей и традиций (неформальных институтов) автохтонного населения), что еще более усугубило бы указанную неоднородность и могло привести к кризису. Это обусловило непоследовательную политику самодержавия и, как следствие, вялотекущую дефронтризацию.

В заключение отметим, что наличие южного и восточного фронтиров оказало колоссальное влияние на исторический путь России. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологические уклады в центре страны и транслировала их на периферию, переориентировала империю на самодостаточный вариант развития. Расширение вглубь евразийского континента, все дальше от моря и перекрестков западноевропейской цивилизации, привело к слабой вовлеченности России в международное разделение труда, слабому трансферу передовых западных технологий и в конечном итоге особому, российскому типу модернизации.

Список источников

1. Астапенко, М.П. (1992), Донские казаки: 1550–1920 [Don Cossacks: 1550 – 1920]. Ростов-на-Дону: Логос.
2. Барухвостов, П.А. (2021a), “Институциональный анализ интеграции земель Речи Посполитой в Российскую и Австрийскую империи” [Institutional Analysis of the Integration of Rzeczpospolita Lands into Russian and Austrian Empires]. Вестник МГИМО–университета, Т. 14, № 4, с. 51-69.
3. Горюшкин, Л.М. (1967), Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. [Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries. Late XIX – early XX Century]. Новосибирск: Наука.
4. Замятина, Н.Ю. (1998), “Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах” [The Development Zone (frontier) and its Image in American and Russian Cultures]. Общественные науки и современность, № 2, с. 75-88.
5. Зуев, А.С. (1999), “Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии” [The Specifics of the Annexation of Siberia in the Latest Russian Historiography]. Евразия: культурное наследие древних цивилизаций, Вып. 1, с. 124-136.
6. Кирдина, С.Г. (2014), Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y теорию [Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory, СПб.: Нестор История.
7. Леваш, И.Я. (2016), “Культурное отчуждение и фронтиры: пропасти и мосты” [Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges]. Диалог культур в эпоху глобальных рисков / под ред. А.В. Данильченко. Минск: РИВШ, с. 193-196.
8. Мизис, Ю.А. (2012), Воевода Московского царства. Р.Ф. Боборыкин на государственной службе [Governor of the Moscow Kingdom R.F. Boborykin in the State Service]. Тамбов: Мичуринск, с. 219-220.
9. Мизис, Ю.А., Скобелкин, О.В., Папков, А.И. (2015), “Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII века” [The Theory of the Frontier and the South of Russia in the 16th – first half of the 18th Centuries]. Вестник Тамбовского университета, серия «Гуманитарные науки», Т. 20, № 10, с. 7-15.
10. Островский, И.В. (1991), Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма [The Agrarian Policy of Tsarism in Siberia During the Period of Imperialism]. Новосибирск: изд-во НГУ.
11. Парсонс, Т. (1996), “Система координат действия и общая теория систем действия. Функциональная теория изменения. Понятие общества” [Action Coordinate System and General Theory of Action Systems. Functional Theory of Change. The Concept of Society]. Американская социологическая мысль. Москва: Изд. Международного ун-та бизнеса и управления, с. 462-525.
12. Побережников, И.В. (2013), “Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен” [Frontier Modernization as a Russian Civilizational Phenomenon]. Россия реформирующаяся, Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. Москва: Новый хронограф, с. 246-274.
13. Романова, А.П., Топчиев, М.С., Саракаева, Е.А. (2013), “Межкультурные коммуникации на фронтире и вне фронта (сравнительный анализ)” [Intercultural Communications on the Frontier and beyond the Frontier (Comparative Analysis)]. Каспийский регион: политика, экономика, культура, № 3, с. 298-303.
14. Тулаева, С.А. (2010), “Донское казачество в XVI–XVII вв. как автономная охранная организация” [Don Cossacks in the XVI–XVII Centuries as an Autonomous Security Organization]. Полития, № 2 (57), с. 66-74.
15. Тычинских, З.А., Буканова, Р.Г., Муратова, С.Р. (2018), “Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв.” [Peculiarities of Frontier in Ural and Western Siberia in 16th–18th Centuries]. Уральский исторический вестник, № 4, с. 89-95.
16. Сандерленд, В. (2010), “Министерство азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство” [Ministry of Asian Russia: Never Existed, but had every Chance for this Colonial Department]. Imperium inter pares: Роль трансфертов в Российской империи / под ред. М. Ауста, Р. Вильпиус, А. Миллера. Москва: НЛО, с. 21-39.
17. Скобелев, С. (2002), “Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра” [Demography as politics. The Indigenous Population of Siberia as Part of the Russian Empire and the USSR: Population Dynamics as a Reflection of the Policy of the Center]. Ab Imperio, № 2, с. 149-190.
18. Хайдов, И.М. (2020), “Русский фронт на Тереке: фронтирная идентичность терских казаков в первой половине XIX в.” [Russian Frontier on the Terek: Frontier Identity of the Terek Cossacks in the First Half of the 19th Century]. Гуманитарные и социально-экономические науки, № 3, с. 54-58.
19. Якушенков, С.Н. (2016), “На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной обьят” [On the Border, the Clouds Go Gloomy, the Rdge is Stern Silence Embraced], Journal of Frontier Studies, № 4,

с. 7-32.

20. Barakhvostov, P.A. (2021b), "The Remaking of Geopolitical Space and Institutional Transformations: The Case of The Baltic Region," *Baltic region*, Vol. 13, No. 3, pp. 42-57.
21. Billington, R.A. (1975), *America's Frontier Heritage*. University of New Mexico Press.
22. Khodarkovsky, M. (2002), *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
23. Ledonne, J. (1992), "The Frontier in Modern Russian History," *Russian History*, Vol. 19, No. 1/4, pp. 143-154.
24. North, D.C. (1991), "Institutions," *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 5, No. 1, pp. 97-112.
25. Polanyi, K. (1977), *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press.
26. Semple, E.C. (2015), *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>.
27. Turner, F.J. (1932), *The Significance of Sections in American History*. URL: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>.

Информация об авторе

БАРАХВОСТОВ Павел Александрович. Кандидат политических наук, доцент. Доцент кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета. [https:// orcid.org/0000-0001-8943-5980](https://orcid.org/0000-0001-8943-5980). Адрес: 220070, Республика Беларусь, г. Минск, Партизанский пр., 26, barakhvostov@yandex.by

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 марта 2022. Одобрена после рецензирования: 31 марта 2022. Принята к публикации: 1 апреля 2022. Опубликована: 27.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Astapenko, M.P. (1992), *Don Cossacks: 1550-1920*. Rostov-on-Don: Logos (in Russian).
2. Barakhvostov, P.A. (2021a), "Institutional Analysis of the Integration of Rzeczpospolita Lands into the Russian and Austrian Empires". *MGIMO Review of International Relations*, Vol. 14, No. 4, pp. 51-69 (in Russian).
3. Barakhvostov, P.A. (2021b), "The Remaking of Geopolitical Space and Institutional Transformations: The Case of The Baltic Region," *Baltic region*, Vol. 13, No. 3, pp. 42-57. (in Russian).
4. Billington, R.A. (1975), *America's Frontier Heritage*. University of New Mexico Press.
5. Goryushkin, L.M. (1967), *Siberian Peasantry at the Turn of Two Centuries. Late XIX - early XX century*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
6. Khaidov, I.M. (2020), "Russian Frontier on the Terek: Frontier Identity of the Terek Cossacks in the First Half of the 19th Century". *The Humanities and Social-Economic Sciences*, No. 3, pp. 54-58 (in Russian).
7. Khodarkovsky, M. (2002), *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
8. Kirdina, S.G. (2014), *Institutional Matrices and Russia's Development: An Introduction to X-Y Theory*, Saint-Petersburg: Nestor Istoriya (in Russian).
9. Ledonne, J. (1992), "The Frontier in Modern Russian History," *Russian History*, Vol. 19, No. 1/4, pp. 143-154.
10. Levyash, I.Ya. (2016), "Cultural Alienation and Frontiers: Chasms and Bridges". *Dialog kul'tur v jepohu global'nyh riskov / by editor A.V. Danil'chenko*. Minsk: RIVSh, pp. 193-196 (in Russian).
11. Mizis, Yu.A. (2012), *Governor of the Moscow Kingdom R.F. Boborykin in the State Service*. Tambov: Michurinsk, pp. 219-220 (in Russian).
12. Mizis, Yu.A., Skobelkin. O.V., Papkov, A.I. (2015), "The Theory of the Frontier and the South of Russia in the 16th - first half of the 18th Centuries". *Tambov University Review. Series Humanities*, Vol. 20, No. 10, pp. 7-15 (in Russian).

13. North, D.C. (1991), "Institutions," *Journal of Economic Perspectives*, Vol. 5, No. 1, pp. 97-112.
14. Ostrovskiy, I.V. (1991), *The Agrarian Policy of Tsarism in Siberia During the Period of Imperialism*. Novosibirsk: izdatel'stvo NGU (in Russian).
15. Parsons, T. (1996), "Action Coordinate System and General Theory of Action Systems. Functional Theory of Change. The concept of Society". *Amerikanskaja sociologicheskaja mysl'*. Moscow: Izd. Mezhdunarodnogo un-ta biznesa i upravlenija, pp. 462-525 (in Russian).
16. Poberezhnikov, I.V. (2013), "Frontier Modernization as a Russian Civilizational Phenomenon". *Rossija Reformirujushhajasja*, Issue 12 / by ed. M.K. Gorshkov. Moscow: Novyj khronograf, pp. 246-274 (in Russian).
17. Polanyi, K. (1977), *The Livelihood of Man (Studies in Social Discontinuity)*. N.-Y.: Academic Press.
18. Romanova, A.P., Topchiev, M.S., Sarakaeva, E.A. (2013), "Intercultural Communications on the Frontier and Beyond the Frontier (Comparative Analysis)". *Caspian Region: Policy, Economics, Culture*, No. 3, pp. 298-303 (in Russian).
19. Sanderlend, V. (2010), *Ministry of Asian Russia: Never Existed, but had every Chance for this Colonial Department. Imperium inter Pares: Rol' transfertov v Rossijskoj imperii* / by ed. M. Aust, R. Vilpius, A. Miller. Moscow: NLO, pp. 21-39 (in Russian).
20. Semple, E.C. (2015), *Influences of Geographic Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthropogeography*. URL: <https://www.gutenberg.org/files/15293/15293.txt>.
21. Skobelev, S. (2002), "Demography as Politics. The Indigenous Population of Siberia as Part of the Russian Empire and the USSR: Population Dynamics as a Reflection of the Policy of the Center". *Ab Imperio*, No. 2, pp. 149-190 (in Russian).
22. Tulaeva, S.A. (2010), "Don Cossacks in the XVI-XVII Centuries. as an Autonomous Security Organization". *Politeia*, No. 2 (57), pp. 66-74 (in Russian).
23. Turner, F.J. (1932), *The Significance of Sections in American History*. URL: <http://nationalhumanitiescenter.org/pds/gilded/empire/text1/turner.pdf>.
24. Tychinskikh, Z.A., Bukanova, R.G., Muratova, S.R. (2018), *Peculiarities of Frontier in Ural and Western Siberia in 16th-18th Centuries*. *Ural Historical Journal*, No. 4, pp. 89-95 (in Russian).
25. Yakushenkov, S.N. (2016), "On the Border, the Clouds Go Gloomy, the Edge is Stern Silence Embraced". *Journal of Frontier Studies*, No. 4, pp. 7-32 (in Russian).
26. Zamyatina, N.Yu. (1998), *The development zone (frontier) and its image in American and Russian. Social Sciences and Contemporary World*, No. 2, pp. 75-88 (in Russian).
27. Zuev, A.S. (1999), "The Specifics of the Annexation of Siberia in the Latest Russian Historiography". *Evrazija: kul'turnoe nasledie drevnih civilizacij*, Issue 1, pp. 124-136.

About the author

BARAKHVOSTOV Pavel Aleksandrovich. PhD (Polit.). Associate Professor. Associate Professor of the Department of Political Science, Belarusian State Economic University. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-5980>. Address: 26 Partizanskiy Avenue, 220070 Minsk, Belarus, barakhvostov@yandex.by.

Contribution of the author

The author declare no conflicts of interests.

Article info

Submitted: March 28, 2022. Approved after peer reviewing: March 31, 2022. Accepted for publication: March 1, 2022. Published: 27.06.2022.

The authors read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.